

Катунин Ю.А.

ПРИЧИНЫ РАСКОЛА В ПРАВОСЛАВИИ КРЫМА (1920 – 1923 гг.)

События, происходившие в 1920-1923 годах в православии Крыма, были отражением тех процессов, которые происходили в это время в Российской православной церкви.

Причина многих проблем православия была скрыта в чрезмерной политизации деятельности церкви, которая была начата весной 1917 года и продолжалась вплоть до ареста Патриарха Тихона 6 мая 1922 года. Окончательно церковь признала свое поражение в противостоянии с органами власти после публикации 4 июля 1923 года в «Известиях ВЦИК» Послания Патриарха Тихона к пастве, в котором он официально отказался от политической борьбы с советским государством.

Эйфория первых дней Февральской буржуазно-демократической революции, связанная с установлением республиканской формы правления, породила в стране мощный эмоциональный подъем в деятельности различных политических партий и общественных движений. Водоворот преобразований захватывает и церковь, которая принимает решение о радикальном изменении своего политического статуса в обществе. Созванный в 1917 году Поместный Собор начинает свою законотворческую деятельность с принятия ряда радикальных решений, которые существенно укрепляли ее позиции в обществе.

Пришедшие к власти большевики первыми же декретами полностью разрушают формируемую церковью систему, объявляя о секуляризации общественной жизни, о создании светского общества, в котором нет государственных конфессий, а все граждане равны перед законом, независимо от религиозной принадлежности.

Церковь допускает первую серьезную ошибку и втягивается в политическое противостояние с формирующимся коммунистическим государством. Открытое участие православия в Гражданской войне на стороне белого движения было последней попыткой церкви восстановить свое положение в обществе.

Для выведения из-под удара главы церкви, молчаливо благословившего на открытое участие в военных действиях большую группу высших иерархов церкви, было принято решение о децентрализации власти, что в дальнейшем привело к формированию в различных регионах России и за ее пределами многочисленных религиозных управлений, митрополий и т.д. Отказ духовного центра от власти на местах, наряду с втягиванием в политическую борьбу, был еще одной серьезной ошибкой руководства церкви. Православие оказалось расколотым на небольшие духовные вотчины, территория которых иногда была настолько «велика», что могла включать несколько подотчетных приходов. И во главе каждого такого «удельного» духовного княжества восседал епископ. Только на территории Крыма после окончания Гражданской войны в православии появилось пять самостоятельных религиозных объединений: «обновленцы», «автономисты», «староцерковники», «автокефалисты» и греческое благочиние, подчинявшееся Константинопольскому Патриарху.

Политизация церкви в годы Гражданской войны была настолько очевидной, что, принимая участие в белом движении, церковь не осудила ни одного бессмысленного убийства мирных жителей из тех десятков тысяч, которые были совершены Белой Армией на «освобожденной» от большевиков территории, и целой серии грабежей, ежедневно совершавшихся «воинами-освободителями». Белый террор в отношении мирного населения, не менее жестокий и кровавый, чем красный террор, который осуждала православная церковь, был одной из серьезных причин поражения белогвардейцев в Гражданской войне. Лишь епископ Вениамин (Федченков), инспектировавший летом 1920 года войска барона Врангеля, позволил себе подготовить докладную записку, в которой он назвал все вещи своими именами, в которой убийства и террор так и именовались, а не подменялись терминами борьбы с большевизмом.¹

О жестокости и необоснованном варварстве белого движения в отношении мирного населения в своих мемуарах впоследствии писали А. Деникин, П. Врангель, М. Калинин и другие непосредственные участники войны.

Однако значительная часть духовенства православной церкви не поддержала линию политической конфронтации высшего руководства РПЦ с советской властью. Излишняя политизация деятельности Патриарха Тихона и его окружения были толчком, поводом, который привел в действие внутренний разрушительный механизм, уже существовавший в недрах самой церкви. Раскол церкви, произошедший после окончания Гражданской войны на «староцерковников», «обновленцев», «григорьевцев», «иосифлян» и т.д., был подготовлен задолго до политического переворота, совершенного большевиками, которые стали очень умело использовать внутрицерковные распри для борьбы с неудобной и враждебно настроенной к режиму Российской православной церковью, возглавляемой Патриархом Тихоном.

Основополагающая причина раскола, произошедшего в начале 20-х годов XX века, была скрыта во внутренних противоречиях развития самой церкви.

С одной стороны, эти противоречия были порождены жестким традиционализмом, ортодоксией Российского православия в отношении христианского вероучения. С другой стороны, - неравным положением в церкви «белого» и «черного» духовенства.

Церковь категорически отрицала любые преобразования, как в догматической, так и в организационной деятельности. Однако, являясь живым, развивающимся организмом, а с 1721 года - еще и частью государственной системы, приспособляющейся к Западу, церкви все сложнее становилось

противостоять тенденции модернизма. В обществе постепенно созревала идея отказа от ортодоксии. В российское сознание, в противовес православию, стали проникать идеи протестантизма, в стране стали появляться протестантские группы, созданные гражданами России.

Все более активную роль в жизни общества начинали играть сторонники старого обряда, входившие в высшее сословие империи как представители торгово-промышленного капитала и начинавшие оказывать возрастающее влияние на мировоззрение и общественное сознание России.

Однако наиболее серьезные брожения по отношению к ортодоксии православия происходили в среде крестьянства, создававшего самые невероятные течения и секты, отрицавшие и изменявшие как традиционную догматику, так и обрядовую сторону. Скопцы, молокане, духоборцы, дырники и сотни других групп и течений олицетворяли собой своеобразный протест против духовного догматизма, навязываемого церковью.

После переселения в Таврическую губернию на постоянное место жительства из Западной Европы значительного числа иностранцев, исповедовавших протестантизм, здесь стали появляться не только протестантские общины, но и религиозные секты, в основе мировоззрения которых присутствовали как идеи протестантизма, так и православия. В Таврической губернии под влиянием немцев-меннонитов местным населением были созданы самостоятельные секты: «Апостольская жизнь», скопцов-«шалопутов», «царя Константина».²

Наличие в православном государстве значительного, постоянно увеличивавшегося числа общин, отрицавших каноны государственной религии, свидетельствовало о появлении в обществе достаточно больших групп и слоев населения, заинтересованных в изменении или же в модернизации существовавшей духовной ортодоксии. Государство, защищавшее интересы православной церкви, было все же вынуждено в октябре 1905 и апреле 1906 годов законодательно снять ограничения с их деятельности, уравняв их в правах с представителями «традиционных» религий. В самой церкви появляется группа духовенства, начавшая пропагандировать различные идеи модернизации церкви. Постепенно эти идеи стали носить вариант радикальных предложений, к ним относилась и идея восстановления патриаршества. В начале века радикализм стал проникать и в среду высшего духовенства, втянувшегося в дискуссию по проблемам будущего устройства церкви.

Однако идеи, высказываемые представителями различных групп духовенства, зачастую были диаметрально противоположны. Это было связано с тем, что оно было неоднородно по своей сути. Деление духовенства на «белое» и «черное» было камнем преткновения для будущего развития церкви. Достижение епископского сана только через монашеское рукоположение создавало неравные возможности для духовенства. Многие прекрасно образованные, высоконравственные представители «белого» духовенства, обладавшие незаурядными организаторскими способностями, навсегда отрезали себе путь к возможному продвижению по церковной иерархической лестнице, заключив брачный союз. В то же время, приняв монашеский постриг, возможности для своего будущего роста получали многие случайные, а иногда и безнравственные личности, для которых духовная карьера была выше всего.

Митрополит Евлогий в книге «Пути моей жизни» писал о том, что отсутствие перспективы в продвижении по служебной лестнице делало будущего священника пассивным еще в духовной семинарии, а многие ее выпускники так и не принимали духовный сан. Так, из 2148 выпускников духовных семинарий, закончивших обучение в 1911 году, к 1913 году священниками стали всего лишь 574 человека.³

Бурные политические события 1917-1922 годов стали детонатором для сложных внутрицерковных брожений, породивших самый мощный раскол в истории Русского православия. По своим масштабам он превосходил раскол церкви, произошедший в XVII веке, когда появилось движение сторонников «старого обряда».

Движение «обновления» возникло еще задолго до начала 20-х годов, когда оно оформилось организационно. В 1905 году 32 петербургских священника, создав «Союз церковного обновления», опубликовали в сборнике «К церковному собору» ряд записок о возможных путях модернизации церкви. Многие их предложения в дальнейшем были использованы лидерами «обновления». Радикализм идеологов «белого» духовенства постепенно завоевывал умы и сердца подавляющей части духовенства православной церкви. И когда дискредитировавшее себя борьбой с советской властью высшее духовенство, состоявшее из монахов, потерпело в этой борьбе поражение, власть в церкви достаточно быстро перешла в руки представителей «обновления», настаивавших на ликвидации привилегий монашеской братии. К середине 1923 года в руках различных «обновленческих» группировок находилось более 20 тысяч приходов.⁴

С 28 апреля по 2 мая 1923 года в Москве в храме Христа Спасителя состоялся Поместный Собор Российской православной церкви, в котором приняли участие 476 делегатов от различных епархий православной церкви. На Соборе обновленцами был принят ряд радикальных решений, в том числе: о рукоположении во епископы женатых священников; о второбрачии священников; о реформе календаря; о духовной эмиграции; о мошах и т.д.⁵

К наиболее радикальным решениям можно отнести постановление Собора о ликвидации монастырей в черте городов и реорганизации их в трудовые коммуны в сельской местности. Многие решения Собора, в частности, решение о ликвидации монастырей, не только совпадали с политикой большевиков, но и оправдывали ее морально.

Проблема деятельности «обновленческих» течений и групп достаточно подробно отражена в литературе, поэтому более детально рассмотрим проблему раскола церкви на примере Крыма.⁶

После эвакуации войск барона Врангеля в Крыму осталась значительная часть духовенства, брошенного сюда бурями Гражданской войны со всей территории России. Не покинул Родину и верующих глава Таврической епархии, активный участник Высшего Временного церковного управления в армиях генерала Деникина и барона Врангеля, архиепископ Димитрий.

Разгоревшийся на территории полуострова красный террор не затронул основную массу духовенства, принимавшую активное участие в белом движении.

В 1991 году в Лондоне вышла книга В. Руснака «Пир сатаны», посвященная репрессиям против православной церкви в первые годы советской власти. В ней он пишет, что в ноябре 1920 года в Крыму был убит протоиерей Андрей Косовский, настоятель Екатерининской церкви п. Сарыголь г. Феодосии и «63 других священника». В г. Старый Крым Феодосийского уезда, по информации В. Руснака, был расстрелян настоятель Троицкой церкви Борис Котляревский.⁷

Однако на сегодняшний день информация об убийстве такого количества православных священников на территории Крыма в это трагическое время не подтверждается документально.

Требуется сегодня объяснения и тот факт, что большевики отнеслись лояльно к архиепископу Димитрию и целой группе симферопольского духовенства, активно сотрудничавших с белым движением. Тем более, что поводов для расправы было предостаточно. Один из них был связан с тем, что, когда бои за Симферополь уже происходили на его окраине, на колокольне кафедрального Александро-Невского собора был установлен пулемет, из которого обстреливали наступающих красноармейцев. Из-за этого все Симферопольское духовенство оказалось в подозрении у новой власти. В ГПУ был вызван для объяснений по этому поводу архиепископ Димитрий. Накануне вызова архиепископ созвал все духовенство города и предложил некоторым священникам войти на добровольных началах в состав делегации. Вместе с ним в ГПУ давали показания протоиереи кафедрального собора Николай Казанский, клирик этого же собора Евгений Сальков, а также протоиереи Димитрий Марков и Николай Мезенцев.⁸

Депутации священников удалось убедить сотрудников ГПУ в своей непричастности к этому факту, несмотря на то, что он был достаточным для начала террора в отношении священнослужителей.

Лояльное отношение большевиков к архиепископу Димитрию объяснимо также и тем, что его роль как духовного лидера в последние месяцы белогвардейского движения была минимальной. Беспорным духовным лидером в армии Врангеля был молодой и энергичный Севастопольский епископ Вениамин. К лету 1920 года влияние архиепископа Димитрия как главы ВВЦУ становится незначительным, он не проявляет активности в решении тех или иных вопросов. Осенью 1920 года по предложению помощника генерала Врангеля А. Кривошеина на эту должность приглашается более энергичный митрополит Антоний (Храповицкий), находившийся до этого времени за границей. В критические для армии Врангеля месяцы архиепископ Димитрий выполнял лишь функции члена ВВЦУ и руководил гражданским духовенством Таврической епархии. Архиепископ постепенно начинает осознавать бесперспективность борьбы с большевизмом, он отказывается поддерживать священников-радикалов типа Востокова, призывавшего организовать крестный ход против большевиков. У него происходит постепенное охлаждение отношений с эксцентричным епископом Вениамином. Поражение белого движения вызывает определенное состояние подавленности у Владыки, он начинает все чаще болеть. К приходу в Крым большевиков он уже не представлял для новой власти никакой угрозы в качестве политического противника. Архиепископ все больше времени уделяет молитвенному уединению. В первой половине 1921 года Владыка принимает решение об уходе на покой и уединяется в Топловский женский монастырь. Когда над обителью нависла угроза закрытия, Владыка перебирается в Киев. Там он принимает Великую схиму под именем Антоний и становится схиархиепископом Киево-Печерской лавры. В грозные годы Великой Отечественной войны Димитрий остался верен Патриарху Сергию, не примкнув ни к одному из течений православной церкви, действовавших на территории оккупированной Украины.

В 1921 году главой православной церкви Крыма становится архиепископ Никодим (Кротков).

Оставшееся в Крыму духовенство не подавало новым властям ни малейшего повода для репрессий. Оно, как обреченное на неминуемую гибель существо, молча наблюдало за разгоревшимся в Крыму насилием в отношении своей паствы и не издавало даже малейшего звука в защиту жертв красного террора. Любое неосторожное слово в это время могло быть для церкви роковым. Церковь безропотно перенесла в 1921-1923 году все невзгоды, не только связанные с изъятием культовых вещей, изготовленных из драгоценных металлов, но и страшный голод, поразивший Крым в эти годы.

Духовенство православной церкви от репрессий большевиков спасало и то, что оно практически «растворилось» среди многочисленного духовенства других конфессий. На полуострове в это время, помимо православных храмов, активно действовали сотни мусульманских мечетей, иудейских синагог, католических костелов, караимских кенас, различных молитвенных домов. В годы Гражданской войны большинство иерархов этих церквей, так же как и православное духовенство, активно сотрудничали с белым движением. Поэтому большевики прекрасно понимали, что насилие в отношении лидеров церквей могло привести к осложнению отношений с населением Крыма, подавляющее большинство которого являлось прихожанами более тысячи с лишним действовавших на его территории приходов различных конфессий.

Терпимое поведение православной церкви не провоцировало советскую власть на принятие в ее отношении каких-либо радикальных решений, и в то же время позволило самой церкви несколько перегруппировать свои силы и начать спокойную и неприметную для органов власти перестройку внутрицерковной жизни.

Высшим духовным органом крымского православия в первые месяцы советской власти продолжал оставаться Таврический Епархиальный Совет, которому приходилось действовать в сложных условиях. Крымскому духовенству отныне приходилось согласовывать большинство своих действий с местными органами власти, и в первую очередь в приобретении вина и воска, необходимых для организации службы в храмах епархии.

Однако, осознавая, что в соответствии с принятыми ранее циркулярами высших органов Советской власти Епархиальные Советы подлежали ликвидации, духовенство епархии было начата работу по созданию новых православных структур, которые в случае ликвидации Епархиального Совета могли взять на себя его функции. К числу таких организаций относился Союз приходских Советов (СПС), который был создан в 1921 году как церковно-общественная организация, призванная решать вопросы религиозно-нравственного воспитания населения.

СПС был создан 17 приходскими общинами города Симферополя и его пригородов. В Союз входили общины следующих храмов:

- Александро-Невского кафедрального собора (пл. Долгорукова);
- Александро-Невская церковь (у. Екатерининская, д.4);
- Благовещенская церковь (угол улиц Губернаторской и Госпитальной);
- Введенская церковь (у. Фонтанная);
- Константино-Еленинская церковь (Петро-Павловская ул., д.8);
- Крестовая церковь (Александро-Невская ул., д.9);
- Мартиниановская церковь (свечной завод);
- Николаевская церковь (Александро-Невская ул. и Церковный проезд);
- Николаевская церковь (ул. Екатерининская, д. 54);
- Петропавловский собор (пл. Петропавловская);
- Покровская церковь (ул. Вокзальная);
- Преображенская церковь (ст. кладбище);
- Рождества Богородицы (ул. Екатерининская);
- Скорбященская церковь (ул. Александро-Невская и Речная);
- Спасская (новый город);
- Трехсвятительская церковь (у. Гоголевская и Театральный проулок).⁹

Почетным председателем СПС являлся местный архиерей, викарные архиереи были почетными членами Союза.

Высшим органом Союза Приходских Советов являлось общее собрание, состоявшее из настоятелей приходов церквей и 2-х представителей от мирян. Председательствующим на общем собрании был епископ или председатель Союза.

Собрания созывались по решению правления Союза. Собрание считалось состоявшимся при наличии 1/3 его членов.

Основной задачей общего собрания являлось «ведение всех церковно-общественных дел и содействие епархиальной власти в создании и развитии приходов в духе христианских общин».¹⁰

Правление Союза избиралось общим собранием в количестве 5 человек и 2-х кандидатов сроком на один год. Правление союза избирало председателя, товарища председателя, казначея и секретаря.

Союз имел свою печать с надписью «Объединенный Совет церквей г. Симферополя» с изображением восьмиконечного креста.

Правление СПС обязано было ежегодно представлять отчеты о своей работе епископу и общему собранию. Для проверки финансовой деятельности избиралась ревизионная комиссия. В случае возникновения противоречий в деятельности между Епархиальным Управлением и Союзом Приходских Советов последнее слово в решении конфликта принадлежало правящему архиерею.

В апреле 1921 года Союз приходских Советов, с разрешения Крымревкома, провел в Симферополе собрание представителей приходов для обсуждения вопросов внутрицерковной жизни.

По согласованию с органами власти накануне Пасхи Союз организовал шествие за вербой от кафедрального собора к Трехсвятительской церкви.¹¹

6 июня 1921 года, в связи с активизацией деятельности властей Крыма по реализации Декрета об отделении церкви от государства, Союз приходских Советов направил в органы власти заявление с просьбой о включении в состав комиссии представителя СПС. Однако это предложение было отклонено. Для участия в работе Межведомственной комиссии не был приглашен ни один представитель ни одной из конфессий Крыма.¹²

Летом 1921 года, учитывая, что очевидной стала перспектива ликвидации Епархиального Совета, в Союзе приходских Советов была проведена серьезная реорганизация. В его состав было введено значительное число верующих, он становился организацией, представлявшей не интересы духовенства, а интересы верующих одного из крупнейших православных религиозных центров епархии - города Симферополя. Подобная политика руководства епархии в условиях продолжавшегося насилия была оправданна, так как из-под удара, в условиях продолжавшегося террора, выводились служители

культы, а сама организация могла от имени верующих граждан губернского города вносить в органы власти многие предложения. В руководящих органах Союза стали преобладать верующие. Лидером Союза был избран Никита Павлович Митькин.

15 сентября 1921 года состоялось очередное общее собрание СПС, на котором вновь был поставлен вопрос о вхождении председателя СПС Н.П. Митькина в состав Межведомственной комиссии. Собрание СПС наделило его полномочиями представлять в комиссии интересы церкви от имени всех православных верующих Крыма. Более того, руководство Союза стало настаивать на передаче в их распоряжение церковной собственности. 16 сентября 1921 года Председатель СПС обратился в Межведомственную комиссию с письмом, в котором высказывалась просьба о передаче в бессрочное пользование Союза, под ответственность приходских Советов, «имущества, необходимого для осуществления внутренней жизни религиозных общин, заключавшегося как в предметах, необходимых для совершения богослужения, так и в прочем (церковные дома, удовлетворяющие жилищную нужду церкви, причтов и приходских Советов, с находящимся в них инвентарем общин и книги ей принадлежащие)».¹³

4 октября 1921 года Союз приходских Советов поставил в известность Крымревком о том, что он является православным органом, объединяющим все православные общины г. Симферополя и его уездов. Канцелярия Союза была расположена в подворье Козьмо-Дамиановского монастыря в Симферополе, по ул. Нижнегоспитальной.¹⁴

Однако эти претензии Союза даже не рассматривались на заседаниях комиссии. Новое руководство епархии во главе с архиепископом Никодимом, зная, что готовятся документы по ликвидации Епархиального Совета, прилагало усилия для того, чтобы СПС стал его полноправным преемником. В руководство Союза требовалось ввести более активный состав верующих. Никита Павлович Митькин, не решивший положительно в органах власти ни одного вопроса, не соответствовал этим новым задачам СПС.

28 октября 1921 года состоялось общее собрание приходских общин православных церквей г. Симферополя. На нем тайным голосованием членами правления были избраны: Николай Викентьевич Карнозо; Петр Михайлович Петров; священник Николай Бессонов; Ольга Федоровна Смирковская и Евгений Васильевич Сальков. Кандидатами с членами правления были избраны Михаил Владимирович Потоцкий и Ольга Ивановна Иванова.

После собрания было принято решение о переходе канцелярии Совета из подворья Козьмо-Дамиановского монастыря в Александро-Невский кафедральный собор. Осенью 1921 года канцелярия СПС была переведена в помещение, в котором располагался Епархиальный Совет.

21 ноября 1921 года в соответствии с решением НКВД Крыма Таврический Епархиальный Совет был ликвидирован. Союз приходских Общин, находившийся в одном здании с Советом, обратился с ходатайством в НКВД о передаче в его пользование помещения и оборудования Совета, которое было расположено по адресу ул. Александро-Невская, 9. Однако руководство НКВД в этой просьбе СПС отказало. Здание передавалось Комиссариату связи, а вся мебель была разделена между Народным комиссариатом социального обеспечения и самим НКВД. Союзу приходских Советов было выделено всего лишь несколько стульев.¹⁵

В 1921 году руководство епархии попыталось активизировать деятельность других православных религиозных общественных организаций. В Крыму в это время было создано несколько кружков христианской молодежи, занимавшихся изучением Библии.

В мае 1921 года по инициативе Симферопольского кружка молодежи на полуострове была проведена всекрымская конференция, на которой обсуждались вопросы объединения всех православных молодежных объединений, избрания из числа молодежи проповедников и т.д. Однако эта молодежная инициатива вскоре была пресечена органами государственной власти, запретившими деятельность этой организации.¹⁶

Со второй половины 1921 года в Крыму все отчетливее стали проявляться очертания будущей трагедии – голода, который на полуострове разразился в 1922 году. Отношение крымского православия к проблеме спасения верующих не было однозначным. Руководство епархии, во главе с архиепископом Никодимом, наблюдая ужасы смерти, порожденные голодом, а также учитывая «опыт» крымских властей по уничтожению противников режима, не пошло на откровенную поддержку Патриарха Тихона, призвавшего к активному противодействию процессу изъятия ценностей. На состоявшемся в октябре 1922 года заседании Президиума Крымского областного комитета партии отмечалось, что крымский архиерей «не принимал открытого участия в противодействии акту изъятия. Тактика, избранная архиепископом, заключалась в общих рассуждениях о неканоничности этого акта, о формах и целях изъятия и т.д.».¹⁷

Накануне принятия решения об изъятии ценностей в органы местной власти Крыма стали поступать сведения об ограблении ряда храмов епархии, что вызвало заинтересованность у органов правопорядка. Ведь они были обязаны реагировать на факты хищения государственной собственности, которым являлось имущество церквей, находившееся в пользовании у религиозных общин. Подозрение стало вызывать то, что из храмов, как правило, исчезали только вещи, изготовленные из драгоценных металлов. Остальная утварь при «ограблении» оставалась на местах. Найти какие-либо следы ограблений было сложно, общим был почерк: грабители действовали очень «интеллигентно», не нанося вреда другому богослужебному имуществу храмов. В дальнейшем в ходе следственной работы воз-

ники подозрения в том, что акты ограбления в большинстве случаев были инсценировками или, другими словами, лжеограблениями, об этом в ходе следствия стали сообщать некоторые служители культа. Священники стали давать показания о том, что церковная утварь ими спрятана по устному указанию архиепископа Никодима.¹⁸

В 1933 году эта информация получила свое подтверждение, - под полом Троицкой греческой церкви органами НКВД Крыма было обнаружено более 50 пудов богослужебных изделий, изготовленных из серебра и несколько мешочков с бытовым золотом.

Незадолго до начала серии «ограблений» многие крымские священники, наблюдая гибель своих прихожан, стали добровольно жертвовать церковную утварь для нужд борьбы с голодом. На это пошел ряд священников северной Таврии. Нарушив указания Патриарха об оказании сопротивления процессу изъятия ценностей, эта группа священников постепенно становится в оппозицию к руководству епархии во главе с Никодимом. Их деятельность постепенно начинает вносить раскол в ряды крымского православного духовенства. Лидером этой группы становится симферопольский священник Эндека. Несмотря на негласные указания архиепископа Никодима о сокрытии ценностей, ежедневно сталкиваясь со смертью людей, священник Эндека, не получив у Владыки благословения, опубликовал в газете «Красный Крым» ряд статей, в которых он призвал церковные приходы Крыма пожертвовать часть церковной утвари для нужд спасения голодающих. В своих публикациях священник Эндека сделал от имени своих прихожан ряд политических заявлений о признании советской власти. Это был достаточно смелый шаг с его стороны, так как официальное отношение руководства православной церкви к государственным органам власти было иным.

Инициатива Эндеки, не получившего на эти заявления архиерейского благословения, вызвала возмущение как у самого архиепископа, так и у значительной части духовенства Крыма. Однако действия священника Эндеки не только не осудила, но и даже поддержала определенная часть духовенства северных уездов епархии и г. Севастополя. В епархии появляется духовная оппозиция официальной политике руководства церкви, проводимой Тихоном, открыто поддерживаемого в Крыму архиепископом Никодимом. Консолидация определенной части духовенства вокруг священника Эндеки происходит после известия о том, что 6 мая 1922 года за антисоветскую деятельность Патриарх был арестован. Это сообщение посеяло смуту в души ряда священнослужителей епархии, они стали задумываться над истинными мотивами деятельности руководства церкви, не только открыто выступившего на путь конфронтации с государством, но и отказавшегося поддержать государство в борьбе с голодом. Крымские священники не просто что-либо слышали о голоде, они сами жили в этом страшнейшем кошмаре, у многих из них от голода погибли близкие родственники, они сами постоянно находились на грани гибели, и самое страшное, что они могли наблюдать, было связано даже не с гибелью людей, а с их духовным падением, уровнем той нравственной деградации, за которой человек прекращал свое существование как социальное существо и превращался в существо аморальное, биологическое, которое для спасения своей жизни способно было убить своего ребенка. Это были реалии того периода, это была та среда, в которой в эти годы находилось духовенство Крыма. Нам, сегодня, рассуждающим о правомочности тех или иных поступков людей этого страшного периода истории Крыма, прежде чем делать скоропалительные выводы, нужно задумываться над тем, что же происходило на самом деле в эти месяцы на полуострове, что двигало поступками людей. К сожалению, деятельность священника Эндеки и его сторонников некоторые исследователи пытаются представить только как происки церковного карьериста. По нашему мнению, первые месяцы деятельности этого иерея не были связаны с его политическими амбициями. В этой ситуации им двигали иные чувства, и в первую очередь чувство сострадания. И даже его политические заявления были связаны с тем, что церковь, зная о страданиях народа, решила их использовать для решения своих политических целей, борьбы с государством большевиков, запретив использовать предметы культа для их реализации с целью спасения умирающих. Местным священникам были неизвестны те истинные цели и задачи, которые ставило перед собой высшее руководство партии и правительства в ходе организации кампании по изъятию ценностей. Да ведь и исследователям, впервые опубликовавшим эти засекреченные сведения, стало все известно лишь несколько лет назад. Для группы духовенства в январе-мае 1922, в самые страшные месяцы голода, когда они принимали свои решения, реалии жизни были совершенно иными, - они были связаны с моральным разложением прихожан, обезумевших от голода, и их физической гибелью. Можно говорить о том, что карьеристские амбиции группы духовенства были спровоцированы руководством епархии во главе с архиепископом Никодимом.

31 мая 1922 года в Симферополе по инициативе архиепископа, без разрешения органов власти, Владыка созвал пастырское собрание, на которое были приглашены священники и миряне епархии. По мнению архиепископа и его окружения, на пастырском собрании следовало обсудить поведение священника Эндеки, так как его деятельность не осталась незамеченной в епархии: она, с одной стороны, вносила раскол в ряды церкви, а с другой стороны - снижала авторитет власти архиепископа Никодима.

Организация этого мероприятия была серьезной ошибкой Владыки. Во-первых, к моменту организации собрания в органах власти имелось достаточно большое количество информации о том, что он является организатором сокрытия церковных ценностей. Во-вторых, осуждение Эндеки, приход которого добровольно пожертвовал средства в фонд помощи голодающим и признал советскую власть и, естественно, пользовался моральной поддержкой со стороны органов власти, подтверждал подо-

зрения властей в антигосударственной деятельности архиепископа. В-третьих, пастырское собрание не сыграло консолидирующей роли в объединении духовенства, а наоборот, упрочило позиции группы священников во главе с Эндекой, превратив их в политических противников архиерея, подтолкнув к движению обновления. Архиепископ со своим окружением вместо поиска компромисса встал на путь осуждения неугодного священника, тем самым породив внутри епархии лидера, пользовавшегося поддержкой не только властей, но и определенной части духовенства и верующих. Зная о том, что в окружении архиепископа много людей, не согласных с его политикой, Эндека постепенно превращается в амбициозного и авторитарного религиозного деятеля. В-четвертых, проведение несанкционированного епархиального мероприятия позволяло государству перехватить инициативу в свои руки, становилось формальным поводом для ареста архиепископа и его ближайшего окружения.

Никодим прекрасно знал о возможных последствиях проведения несанкционированных мероприятий. Еще 20 апреля 1922 года Админуправление НКВД поставило в известность все религиозные организации полуострова о том, что проведение любых собраний возможно только с разрешения местных отделов Управления, с указанием повестки дня. Ответственность за соблюдение повестки дня нес председатель собрания.¹⁹

Все участники пастырского собрания были арестованы органами ГПУ «за нарушение положения об устройстве сборищ».²⁰

Подавляющая часть участников собрания сразу же была отпущена на свободу, однако определенная группа продолжала находиться под охраной. Против нее были выдвинуты обвинения не только в организации «незаконного сборища», но и в сокрытии ценностей. Против архиепископа было возбуждено уголовное дело. Его обвинили в организации кампании по сокрытию ценностей, а также в поддержке политики тихоновского (староцерковного) руководства церкви. На время проведения следствия архиепископ был выпущен на свободу.

После ареста архиепископа Никодима и его окружения, воодушевленный поддержкой со стороны органов государственной власти, священник Эндека выезжает в Москву и устанавливает контакты с обновленческим Высшим Церковным управлением.

События, происходившие в Крымском православии, имели много общего с событиями, происходившими в Москве, - у них был общий сценарий. Московский сценарий был связан с арестом Патриарха и захватом власти группой священников, негласно поддержанных органами государственной власти. Аналогичный сценарий захвата обновленцами власти был совершен в Крыму.

В Москве после ареста патриарха Тихона группе священников, в состав которой входили А. Введенский, Е. Белков и С. Калиновский, удалось добиться от Патриарха добровольной передачи власти Высшему церковному управлению, первым главой которого стал епископ Антонин (Грановский).²¹

В мае 1922 года обновленцами была создана «Живая церковь» во главе с В. Красницким, который являлся открытым противником «черного» духовенства. «Живая церковь» направила в различные части России 56 уполномоченных, которые, пользуясь растерянностью епископов на местах, начинают захватывать власть в епархиях и приходах. В Российской православии начался активный процесс рукоположения во епископы представителей белого духовенства, состоявших в браке.

5 июня 1922 года против Высшего Церковного управления (ВЦУ) открыто выступил митрополит Агафангел, являвшийся в соответствии с пожеланием Патриарха Тихона его официальным преемником. Он опубликовал послание «К архипастырям, пастырям и всем чадам Русской православной церкви», в котором ВЦУ объявлялось незаконным церковным органом. Митрополит Агафангел предложил архиереям перейти на автономное самоуправление епархиями.

В мае-июле 1922 года государство нанесло серьезный удар по сторонникам патриарха Тихона. В ряде губерний состоялись заседания трибуналов, приговоривших многих участников акций неповиновения при изъятии церковных ценностей к высшей мере наказания. 29 мая в Петрограде был начат суд над митрополитом Вениамином и 86 священниками и мирянами, обвиненными в оказании сопротивления при изъятии церковных ценностей.

16 июня 1922 года митрополит Владимирский Сергей (Страгородский), а также архиепископы Нижегородский Евдоким (Мещерский) и Костромской Серафим (Мещеряков) публикуют «Меморандум трех», в котором обновленческое Высшее Церковное управление признается «единственной канонической церковной властью».

6 августа на «Всероссийском съезде белого духовенства», состоявшемся в Москве, произошел разрыв епископа Антонина с «живоцерковниками». Епископ Антонин совместно со священниками Введенским, Боярским и Белковым создают группу «Церковное возрождение», которая практически сразу же раскалывается этими амбициозными священниками на ряд самостоятельных группировок. Священники Введенский и Белков создают «Союз общин Древлеапостольской церкви», а Белков – «Союз религиозных трудовых коммунистов». По всей территории России создаются другие обновленческие группы и течения, в том числе: в Пензе – «Свободная трудовая церковь»; в Саратове – «Пуританская партия революционного духовенства и мирян» и т.д.²²

В столь непростой для православной церкви ситуации продолжалась деятельность Таврической епархии во главе с опальным архиепископом Никодимом, который, также как и Патриарх Тихон, находился под домашним арестом.

После консультаций в Москве в Крым летом 1922 года в качестве полномочного представителя «Живой церкви» и Высшего Церковного управления возвращается священник Эндека. Являясь офи-

циальным и законным представителем ВЦУ, он находит поддержку не только у священников-единомышленников северных уездов, но и среди либерального духовенства ряда благочиний.

Во время встречи с архиепископом Никодимом Эндека потребовал передать ему церковную власть в епархии. Владыка категорически отказался выполнять требования представителя обновленческого руководства церкви, мотивируя это тем, что он подчиняется только приказам Патриарха Тихона. Архиепископ заявил, что в связи с отсутствием Патриарха и по указанию его преемника митрополита Агафангела он намерен управлять епархией самостоятельно.

Архиепископ начал в Крыму активную кампанию против представителей движения обновления.

В начале августа 1922 года находившийся под следствием архиепископ Никодим, совместно с отозванным из Топловского монастыря архиепископом Димитрием, находившимся там на покое, проводит в Симферополе тайное рукоположение во епископа одного из своих близких сторонников – протоиерея Зверева. Распоряжением архиепископа новый епископ назначался его приемником.

Архиепископ Никодим потребовал от своих священников безусловного подчинения. В отношении священников, поддержавших обновленческое движение, вводилось наказание в виде отлучения от церкви. Столь жесткие меры архиепископа против обновленческого движения привели к тому, что ряд священников, примкнувших к группе Эндеки в 1922 году, вновь возвратились в лоно официальной церкви. Вместе с тем столь жесткая политика Владыки в отношении обновленческой церкви, отлучившего ряд священников, привела к тому, что они создали в Крыму в начале осени Таврическое Епархиальное управление (ТЕУ), подчиненное Высшему церковному управлению. На полуострове началось противостояние двух враждующих между собой течений одной церкви. Власть Таврического Епархиального управления была сильна в Севастополе и в северных уездах губернии. Остальные благочиния и приходы епархии поддерживали архиепископа Никодима.

Представитель ВЦУ в Крыму священник Эндека в течение лета 1922 года неоднократно обращался в Москву с просьбой направить в Крым для пастырского послушания одного из епископов обновленческой церкви. Однако раскол, начавшийся в самом руководстве ВЦУ, не позволял решить этот вопрос достаточно оперативно.

5 сентября 1922 года «Крымский центральный комитет группы «Живая церковь» во главе с уполномоченным ВЦУ протоиереем Эндекой поставил в известность НКВД Крыма о том, что решением Высшего Церковного управления архиепископ Никодим (Кротков) уволен на покой. Вместо него временно управляющим Таврической епархией назначен епископ Николай и новый состав Епархиального управления.²³

В этот же день, 5 сентября 1922 года, представитель ВЦУ протоиерей Эндека направил в административный отдел уведомление, в котором он просил органы НКВД не заключать договора на передачу имущества общинам верующих без поручительства ВЦУ. Представитель ВЦУ настаивал, чтобы НКВД расторгло договоры с теми приходами, священники которых находятся под следствием и, следовательно, являются «явным контрреволюционным элементом».²⁴

На эту петицию протоиерея Эндеки руководством НКВД была наложена резолюция следующего содержания: «Административный отдел НКВД Крыма, руководствуясь декретом об отделении церкви от государства, считает невозможным прибегнуть к содействию ВЦУ, поскольку оно является религиозным обществом и подчиняется общим положениям о частных обществах и союзах и поэтому не может пользоваться преимуществом со стороны государства. Что же касается расторжения договоров, то Админотдел запросил списки привлеченных по церковному делу Ревтрибунал, и поскольку в нем окажутся лица, заключившие договоры, последние будут расторгнуты, как с лицами, совершившими уголовные дела».²⁵

Данный документ позволяет нам сделать вывод о том, что в начале сентября 1922 года местные органы ГПУ и НКВД еще не оказывали негласную помощь и содействие Таврическому Епархиальному управлению.

7 сентября 1922 года Таврическое Епархиальное управление обратилось в НКВД Крыма с просьбой о передаче в его пользование помещений опечатанного свечного завода. Однако этот запрос остался без ответа.²⁶

В начале октября 1922 года вместо епископа Николая в Крым прибыл епископ Петр Рождественский, который возглавил Таврическое Епархиальное управление.²⁷

В это время в Крыму шла подготовка к показательному суду над духовенством во главе с архиепископом Никодимом. Процесс задумывался как серьезная политическая акция. Об этом свидетельствует ряд документов, хранящихся в фонде П.1 Государственного архива Крымской АССР. Эти документы позволяют нам сделать вывод о том, что партия в это время была уже не только идеологическим органом, но и утверждала тройки, вершившие судебные дела.

28 октября 1922 года на заседании Президиума Крымского областного комитета партии был рассмотрен вопрос «О процессе церковников». Президиум поручил Агитпросу развернуть в прессе агитационную «работу в момент начала и завершения процесса над священниками».

Президиум назначил трибунал в составе Порецкого, Максимова и Барышева.²⁸

В начале октября накануне приезда Петра архиепископ Никодим, по решению Ревтрибунала, до суда был сослан в Инкерманский монастырь без права выхода за пределы обители. Это значительно упростило вопрос передачи церковного имущества представителям обновленческого движения. На баланс Таврического Епархиального управления передавались Епархиальная канцелярия, домашняя

церковь архиерея и несколько часовен.

13 октября 1922 года представитель административных органов НКВД, заведующий церковным подотделом М.Ф. Седых объявил руководителям Таврического Епархиального управления, что им в бесплатное пользование передается свечной завод.²⁹

Это позволило управлению приобрести несколько источников получения доходов. Передача на баланс «обновленцам» материальных ценностей свидетельствует о том, что к этому времени органы НКВД и ГПУ, с одной стороны, и лидеры ТЕУ во главе с протоиереем Эндекой уже нашли между собой общий язык.

Передав полномочия представителю ВЦУ епископу Петру, священник Эндека в октябре 1922 года уезжает в Москву, где принимает активное участие в создании радикального течения – «Союза общин Древлеапостольских церквей».

9 сентября 1922 года в защиту арестованных: архиепископа Никодима, епископа Сергия, протоиереев Димитрия Игнатенко и Семена Кикоть, а так же протодиакона Димитрия Полежаева - выступил Союз Приходских Советов г. Симферополя. СПС подал в НКВД Крыма заявление с просьбой об освобождении священников из-под стражи, а также просил дать разрешение на проведение этими священниками службы в своих храмах.

Однако это заявление не только не способствовало освобождению духовенства, а наоборот, оно привело к ликвидации самого Союза. В этот же день, 9 сентября 1922 года, постановлением Наркомата внутренних дел Крыма было принято решение о прекращении деятельности Союза Приходских Советов. Формальным основанием для принятия такого решения послужил тот факт, что Союз не перерегистрировал свой Устав в органах власти.

Руководители Союза Николай Викентьевич Карнозо, Евгений Васильевич Сальков и священник Николай Бессонов были оштрафованы на 50 тысяч рублей. Штраф был заменен принудительными общественными работами сроком на 3 месяца.³⁰

Ликвидация Союза приходских Советов означала, что система православия Крыма, ориентированная на Патриарха Тихона, оказывалась полностью парализованной, так как на полуострове более не существовало ни одной организации, имевшей права юридического лица.

5 ноября 1922 года в Крыму начался процесс по делу священников во главе с архиепископом Никодимом, обвиненных в сокрытии церковных ценностей и противодействии органам власти. Члены «Союза Древлеапостольской церкви» протоиереи Эндека и Калиновский были приглашены на процесс в качестве экспертов. Судебный процесс, продолжавшийся до 1 декабря 1922 года, привлек широкое внимание населения полуострова. Архиепископ Никодим был осужден на 8 лет. Ряд священников и представителей мирян получили значительно меньшие сроки. Основная часть священников была оправдана. В Симферополе по делу «церковников» были осуждены: Иляков Иван Васильевич – председатель приходского совета Введенской церкви; Корчагин Александр Максимович – староста Николаевской церкви; Прокофьева Елизавета Владимировна – Тарановская больница; Зверев Александр Михайлович и Полежаев Дмитрий Павлович – Петро-Павловский собор; Каежко Григорий Матвеевич – третий священник собора; Акулова Ксения Герасимовна – настоятель Козьмо-Дамиановского монастыря. В отношении епископа Сергия (Зверева) была проведена амнистия.

После завершения процесса и осуждения Никодима власть в церкви в Крыму официально перешла к представителям обновленческого течения во главе с епископом Петром.

Сразу же после процесса «церковников» лидеры крымского обновления начинают вести переговоры с епископом Сергием о его переходе в лоно обновленческой церкви. Можно предположить, что амнистия в отношении епископа Сергия (Зверева) была применена по сговору между органами власти и сторонниками обновления, которые рассчитывали, что переход на их сторону ближайшего сподвижника архиепископа Никодима, которым являлся Сергей, окончательно укрепит их позиции в Крыму. Однако Сергей всячески затягивал переговорный процесс, а, затем, написав в ВЦУ письмо, в котором он отказался признавать этот орган в качестве главенствующего в церкви, тайно покинул Крым.

Переход церковной власти в Крыму в лоно обновленческой церкви не способствовал созданию на полуострове атмосферы спокойствия в приходах Таврического епархиального управления. Суд над архиепископом привел к совершенно иным последствиям, чем ожидали от него партийные и государственные функционеры. Среди верующих в отношении архиепископа Никодима был сформирован образ епископа-мученика. Этому в немалой степени способствовали «эксперты» суда Эндека и Калиновский. В своих выступлениях они допускали крайне радикальные высказывания, оскорблявшие не только подсудимых, но и верующих. Их поведение в суде показало крымской пастве истинное лицо лидеров обновления. Подорвав авторитет обновленческого движения, они были вынуждены ретироваться из Крыма.

Во многих храмах Крыма фанатично настроенные верующие стали изгонять и избивать священников обновленческой церкви. Рукоприкладство верующих в отношении священников стало допускаться даже в Александро-Невском кафедральном соборе г. Симферополя. НКВД вынужден был принять решение о временном закрытии собора.

Осуждение архиепископа Никодима привело к нарастанию антисоветской пропагандистской кампании, которая была достаточно быстро подавлена органами НКВД. Все священники Крыма вынуждены были дать подписку о том, что в случае упоминания имени архиепископа Никодима во время

службы они будут серьезно наказаны. К лету 1923 года обстановка в жизни православной церкви Крыма нормализовалась. В Симферополе и Севастополе остались лишь незначительные группы верующих, поддерживавшие сторонников Патриарха Тихона (староцерковников). В Севастополе ТЕУ планировало создать самостоятельную Южнобережную епархию во главе с епископом-викарием. Ялтинское духовенство в конце 1922 - начале 1923 годов признало главенство Таврического Епархиального управления. В Феодосии и Керчи были созданы ячейки ВЦУ. Лишь православные приходы г. Евпатории к середине 1923 года отказывались признавать Высшее Церковное управление. Духовенство Евпатории продолжало усердно молиться за «пленного архиепископа Никодима», подвергая себя возможным гонениям за неповиновение указаниям властей.³¹

Весной 1923 года во все окружкомы партии было направлено письмо Крымского обкома партии, в котором говорилось о том, что местным органам власти нужно изменить отношение к деятельности религиозных организаций. В письме анализировалось состояние православия в России, а также отмечалось, что произошедший раскол в церкви нужно использовать для ослабления влияния религии на население. В инструктивном письме Крымского обкома партии подчеркивалось, что нужно поддерживать наиболее радикальные церковные группы в православии, так как это позволит не только ослабить политическое противостояние церкви против государства, но и снизить в целом влияние церкви на общество.³²

Таким образом, мы можем констатировать, что временное ослабление давления государства на церковь - это были четко спланированные и далеко идущие планы партии большевиков в отношении церкви. Метод кнута и пряника стал активно дополняться методом сраживания различных православных религиозных течений. Позволив окрепнуть какому-либо из них, государство принимало участие в его ослаблении за счет негласной поддержки его противников. В результате этой политики обе противоборствующие религиозные группировки наносили друг другу смертельные удары, а государство им в этом способствовало.

Эту точку зрения можно проиллюстрировать на примере деятельности партийно-государственного аппарата в отношении православия в 1923 году. К этому времени в церкви господствующее положение начинает занимать достаточно аморфное, состоящее из различных групп, возглавляемых амбициозными лидерами, движение обновления. Обновленцам удалось провести Поместный собор, на котором были приняты решения, устроившие как радикальное белое духовенство, так и государственных чиновников, курировавших деятельность церкви. Однако дальнейшее укрепление позиции движения обновления становится невыгодным для самого государства. И тогда по нему наносится очень коварный и жесткий удар: на политической арене вновь возникает фигура реабилитированного и прирученного государством Патриарха Тихона, который с 6 мая 1922 года по 25 июня 1923 года находился под домашним арестом.

Освобождение Тихона в середине июня 1923 года не является случайным. Проанализируем события, предшествовавшие решению правительства о реабилитации Патриарха. К началу лета 1923 года обновленческое движение достигает максимальных успехов в своем развитии. В начале мая проходит Поместный Собор, на котором законодательно были закреплены все амбициозные требования и предложения обновленческих лидеров. Еще в декабре 1922 года им удалось достичь компромисса и создать новый состав Высшего Церковного управления, в который вошли епископ Антонин (Грановский), В. Красницкий, А. Введенский, а также Нижегородский архиепископ Евдоким и Владимирский митрополит Сергей. Лидеры обновления устанавливают контакты с главами Вселенских православных церквей, которые согласны были признать их движение в качестве канонического. Любые дальнейшие шаги обновленческого движения могли привести к его укреплению не только в центре и на местах, но и за границей.

В июне 1923 года, после тринадцатимесячной изоляции, на политической арене вновь появляется Патриарх Тихон. Над ним организуется судебный процесс, скорее напоминающий политический спектакль, чем судебное разбирательство. Нахождение Патриарха в изоляции резко меняет его взгляды на многие политические проблемы (скорее всего, это был результат «кропотливой» работы соответствующих органов). Проведение скоропалительного процесса, сразу же по следам процессов 1922 года, государству было крайне невыгодно, несмотря на то, что чисто юридически в это время виновность главы церкви в организации антисоветской деятельности доказать было достаточно легко. Однако любой вариант наказания Патриарха неминуемо формировал ореол мученика. Длительная же пауза перед процессом над Патриархом позволяла государству не только действительно подготовиться к суду более основательно, но и сформировать в общественном мнении, устами его религиозных оппонентов-обновленцев, облик человека, который не имел морального права возглавлять церковь. Дальнейшее пребывание Патриарха под арестом не только снижало его авторитет среди паствы, но и укрепляло влияние на верующих представителей обновленческих структур.

На суде перед нами предстает человек совершенно новых политических взглядов. Это не тот религиозно-политический лидер, который призывал к неповиновению органам власти, который молчаливо одобрял открытое участие церкви в военных действиях на стороне Белого движения в годы Гражданской войны. На суде присутствует не подавленный морально и физически бывший лидер, перед нами предстает человек достаточно волевой, признающий свои ошибки и способный физически вести непримиримую борьбу с внутренними врагами церкви. В первые же часы судебного разбирательства Патриарх Тихон обращается в Верховный суд РСФСР с заявлением о признании советской власти и

покаянием в организации антисоветской деятельности. Через 9 дней, 25 июня 1923 года, с согласия органов государственной власти Патриарх вновь приступает к своим Первосвятительским обязанностям, с одной стороны, повергнув в шок своим заявлением о возвращении к исполнению обязанностей главы церкви многих иерархов и священников, переметнувшихся к обновленцам, а с другой стороны вселив надежду и уверенность в сердца тех, кто оставался ему верным до последних дней его заключения.

4 июля 1923 года в газете «Известия ВЦИК» было опубликовано послание Патриарха к пастве, в котором он признал свои ошибки перед советской властью и заявил об аполитичности церкви.

15 июля Патриарх вновь обратился к верующим с официальным воззванием, в котором все решения обновленческого Поместного Собора были объявлены ложью. В послании Патриарх заявил о своем официальном возвращении на должность главы церкви.

В августе 1923 года Патриарх Тихон, совместно с отошедшими от обновленческого движения архиепископами Тверским (Серафимом), Уральским Тихоном (Оболенским) и епископом Верейским Илларионом (Троицким) создают Временный Синод. Члены Синода публикуют обращение к пастве, в котором они говорят о решительном отмежевании от контрреволюции.

Случайны ли все эти события и к чему они приводят? Ответ на этот вопрос один – к началу краха обновленческого движения. Во-первых, на собравшемся 29 августа 1923 года Всероссийском съезде епископов и мирян лидеры обновления были вынуждены отказаться от многих решений, принятых четыре месяца назад, в мае месяце, на Поместном Соборе. На съезде под угрозой разрушения обновленческого движения было принято решение о ликвидации всех групп и течений обновления и о создании Священного Синода, который возглавил митрополит Евдоким.

Во-вторых, начался распад самого обновленческого движения. На разрыв с обновленческим движением пошли епископ Антонин, возглавлявший «Церковное возрождение» и «Живая церковь» протопресвитера Красницкого.

В-третьих, начали разваливаться многие религиозные обновленческие структуры на местах. Православные приходы стали массами переходить на сторону «староцерковников». Прекратив судебное преследование Патриарха, государство реабилитировало его в глазах миллионов верующих. Обновленческое движение утратило свой основной козырь, который заключался в обвинении Патриарха в антисоветизме и контрреволюции. Пропагандистская обновленческая машина не просто стала давать сбои, но, и в конце концов, оказалась окончательно сломанной.

Однако, в свою очередь, укрепление движения «староцерковников», ставшего вновь набирать политическую силу, не соответствовало стратегии большевиков. Тогда был включен механизм раскола в отношении этого движения. В сентябре 1923 года «сторонники» Патриарха подтолкнули его к ведению сепаратных переговоров с представителями обновленцев, что вызвало серьезное недовольство иерархов «староцерковников», потребовавших от Патриарха добровольного ухода на покой.

В дальнейшем, вплоть до смерти Патриарха в апреле 1925 года, и особенно после нее, в православии происходит череда внутрицерковных событий, которые на первый взгляд могут показаться слабо связанными друг с другом. Однако на деле это был прекрасно срежиссированный спектакль, в котором государственные чиновники высшего ранга очень талантливо ставили историко-религиозную пьесу, в которой герои пытались морально уничтожить друг друга, а когда у них на это не хватало смелости, тогда им в этом помогало государство, либо морально, либо физически устраняя главных героев и вновь стравливая между собой оставшихся амбициозных церковных лидеров, которые в пылу борьбы не замечали, что ими просто манипулируют для достижения целей, связанных с уничтожением церкви. В конце концов эта политика привела к тому, что на исторической арене остались лишь те духовные лидеры, которые либо тайно сотрудничали с органами власти, либо те, которых в силу ряда причин, так и не смогла уничтожить государственная машина, а сама церковь являла собой доведенное до карликовых размеров духовное объединение, покорно выполнявшее в 30-е годы волю режиссеров-политиков.

1. См. Кандидов Б. Церковь и Гражданская война на юге. (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны). - М.: Из-во «Безбожник», 1931. – С. 106-111.
2. См. Катунин Ю.А. Из истории христианства в Крыму: Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX в.). – Симферополь: Таврия, 1995. – С. 29-41.
3. См. Евлогий, митрополит. Пути моей жизни. – Париж, 1947. – С. 84.
4. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С. 74.
5. См. Поместный собор Российской православной церкви 1923 г. (Бюллетени). – М., 1923. – С. 14-23.
6. См. Поспеловский Д.В. Указ. соч.- С. 62-103; Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной церкви. 1917 – 1990. Учебник для православных духовных семинарий. Московская Патриархия, Изд. дом. «Хроника», 1994. – С. 45-68; Русское православие: веки истории. – М.: Политиздат, 1989. – С. 617-634; Шишкин А.А. Сущность и критические оценки «обновленческого» раскола Русской православной церкви. - Казань, 1970. – 367 С. и др.
7. См. Зарубин В. Новомученики Таврические. – Таврические ведомости. – 1993 г. - № 2.
8. См. Доненко Николай, протоиерей. Претерпевшие до конца. Священники Крымской епархии 30-х годов. – Симферополь: Таврия, 1997. – С. 48-49.

-
9. Государственный архив Автономной республики Крым (ГААРК) – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 11. – Л. 24.
 10. Там же. – Д. 225. – Л. 5.
 11. Там же. – Д. 22. – Л. 50.
 12. Там же. – Д. 22. – Л. 36.
 13. Там же. – Д. 17. – Л. 24.
 14. Там же. – Д. 22. – Л. 73.
 15. Там же. – Д. 11. – Л. 11.
 16. Там же. – Д. 22. – Л. 51.
 17. Там же – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 162.
 18. Там же. – Д. 243. – Л. 24.
 19. Там же. – Д. 221. – Л. 52.
 20. Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 25.
 21. См. Цыпин Владислав, протоиерей. – С. 48.
 22. См. Катунин Ю.А. Хронология важнейших событий... - С. 530.
 23. ГААРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 10.- Д. 221. – Л. 48.
 24. Там же. – Л. 73.
 25. Там же. – Д. 221. – Л. 73.
 26. Там же. – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 231. – Л. 1.
 27. Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 26.
 28. Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 162.
 29. Там же. – Ф. Р. 663. – Оп. 10. – Д. 231. – Л. 2.
 30. Там же. – Р. 663. – Оп. 10. – Д. 225. – Л. 10.
 31. Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 25.
 32. Там же. – Л. 25.